

Stop the pigeon

Голуби — это мы, когда довольствуемся крохами существования, когда думаем «лучше, чем ничего» и склоняемся перед властью птиц покрупнее.

Каждый голубь рождается белой эфирной голубкой; общественный механизм и городская среда превращают его в голубя гнездового, затем материнского, начального, среднего, старшего, университетского и наконец в мерзкого взрослого городского голубя.

Шесть тысяч лет назад люди считали природные стихии, и в особенности животных и насекомых, не отличными от людей, а проявлениями предков: тотемами, наделёнными особыми, а порой и волшебными свойствами.

После изобретения земледелия и скотоводства человек стал полагать себя выше прочих существ; в течение последующих веков и вплоть до наших дней животных использовали, употребляли, эксплуатировали для разных целей: от пропитания (обнаруживаю даже существование голубиноного окорока Карло Джустини) до общества, от работы до войны — вспомним хотя бы историю голубя Шер Ами, служившего в 77-й пехотной дивизии армии США, в Signal Corps. Это событие для многих, даже для горожан, некоторым образом оправдывает само существование голубей и объясняет их пришествие на землю, их назначение в качестве многомерных созданий, бестелесных призраков, которых невозможно схватить, инопланетян, способных размножаться посредством камикадзе-самовзрыва, оставляющего тело старого голубя частью рассеянным, частью размолотым на мостовой, а новое тело молодого голубя — парящим в небе города.

Заметим, что в городе никто никогда не видел голубиных птенцов, что никто никогда не стал бы есть городского голубя, тогда как городские голуби едят всё, что найдут.

Возможно, и по одной из этих многочисленных причин в последнее время стали попадаться голуби и прочие животные, строящие из себя людей, — и наоборот.

Всё больше приверженцев находит своего рода зоолатрия наоборот, в которой превращение в бесчеловечное животное якобы означает возвращение к природе.

Голуби-чиновники, одетые служащими нашей разлагающейся системы, аккуратные конформисты, цитирующие только что прочитанные статьи, усердные шестерёнки, не ведающие о системе, существа, единственная цель которых — кормить систему, за которую они уцепились, чтобы выжить; они едят крошки власти и испражняются литаниями жалоб.

Это жуткая смесь вогонов Дугласа Адамса и чиновников Достоевского, в трёх экземплярах, неустанно заступающих дорогу другим.

Они пищат, блеют, хрюкают, сопят и кричат — все разом, в один голос, сиюсь защититть честь прошлого усопших предков.

А тем временем из-за них с неба льёт дерьмо.

Голуби — на пьемонтском наречии «i picù», на ломбардском «i pirla», прозвища, обозначающие также дураков, олухов и мужской половой орган, как, впрочем, и птицы вообще, — метафора нынешнего немслящего человеческого рода; но они же и волшебные животные, что нежно воркуют и глядят на нас вопросительно; быть может, попросту наши предки: молчаливые летучие наблюдатели.

Стихотворение Монтале гласит:

Prima di chiudere gli occhi mi hai detto pirla
una parola gergale
non traducibile
Da allora
me la porto addosso
come un marchio che resiste alla pomice
Ci sono anche altri pirla nel mondo
ma come riconoscerli?
I pirla non sanno di esserlo
Se pure ne fossero informati
tenterebbero di scollarsi
con le unghie
quello stimma.

Некоторые люди преобразились, так что голубиные головы наводнили большие города; другие, как Джузеппе Бельведере (Monsieur Pigeon), заботятся о голубях, чтобы обнять самую человеческую свою часть.

Так или иначе, все мы неудержимые голуби.

Luca Motolese

motolese.com — Оригинал на итальянском